М. А. Лохвицкая
(Жиберъ)

СТИХОТВОРЕНІЯ

ПЕРЕДЪ ЗАКАТОМЪ

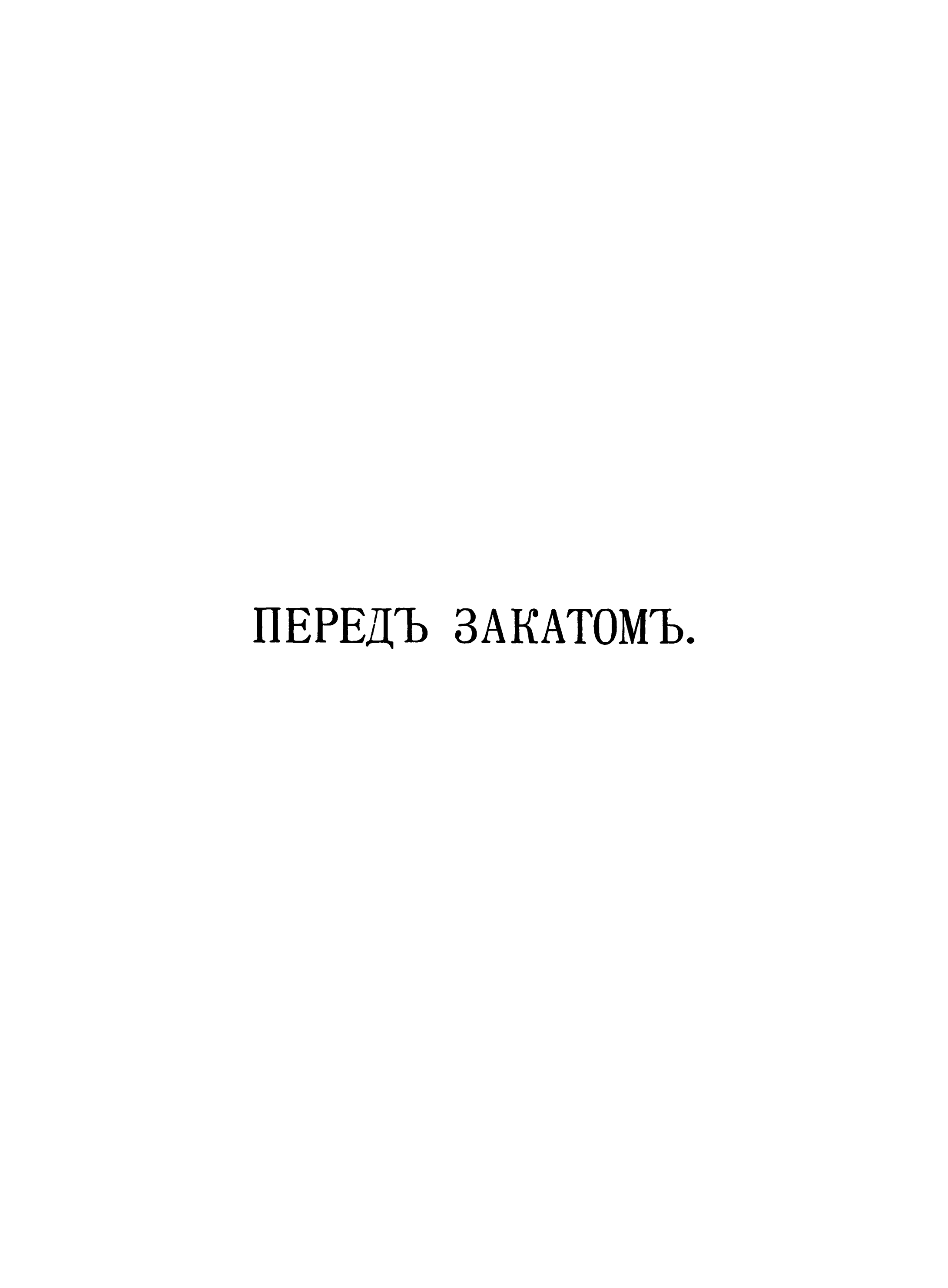
съ приложеніемъ

неизданныхъ стихотвореній изъ прежнихъ лѣтъ,
и портрета автора.

съ предисловіемъ К. Р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1908

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ПЕРЕДЪ ЗАКАТОМЪ.

Фототипія А. Ф. Дресслеръ.
Спб. Б. Подъяческая 22.

На мою долю выпала лестная задача написать разборъ представленнаго на соисканіе Пушкинской преміи V-го тома стихотвореній М. А. Лохвицкой.— Но моему отзыву не было суждено быть прочтеннымъ ею, хотя я написалъ его еще при ея жизни и ей была присуждена Пушкинская премія. — Эту премію заслужили ей главнымъ образомъ стихотворенія, посвященныя ея дѣтямъ: Материнскій завѣтъ и Плачъ Агари, на которыя я указывалъ, какъ на плоды наиболѣе счастливыхъ вдохновеній. Г-жа Лохвицкая не дожила до увѣнчанія своихъ произведеній: премія досталась ея дѣтямъ.

Да будетъ мнѣ позволено теперь, когда родственники покойной выпускаютъ въ свѣтъ ея неизданныя стихотворенія, предпослать имъ нѣсколько словъ.

Во всякомъ предсмертномъ твореніи, будь то картина, изваяніе или стихи, всегда кроется что-то трогательное, загадочно плѣнительное; это лебединая пѣсня, прощаніе съ жизнью и приближеніе къ роковому порогу, за которымъ начнется иное, новое, невѣдомое существованіе. То, что при жизни автора могло бы заслужить справедливый укоръ, обезоруживаетъ критика, когда авторъ отошелъ въ вѣчность. И невольно

прощаешь ему недостатки его творчества. Не такъ ли съ благодарностью вспоминаешь теплое дыханіе быстро промелькнувшаго лѣта съ его цвѣтами и пышными красками и забываешь его дожди и бурные вѣтры?

Пусть въ послѣднихъ произведеніяхъ г-жи Лохвицкой встрѣчаются недостатки, на которые я и ранѣе указывалъ; пусть находятся тамъ неясность, недосказанность, неопредѣленный мистическій туманъ, увлеченіе чарами чернокнижія. Но въ этихъ стихахъ есть несомнѣнная струя поэзіи, искупающая столько же несомнѣнные недочеты, есть виртуозность, радующая и плѣняющая любителя «чистыхъ вдохновеній», есть умѣнье пользоваться поэтическими образами, есть превосходная фактура стиха и художественная, мастерская ихъ отдѣлка.

Истинной поэзіей проникнуты такія стихотворенія, какъ «Каменная швея», «Что такое весна», «Бѣлыя розы», «Утренній гимнъ», «Восковая свѣча», «У брачнаго чертога».

Не столько темнымъ содержаніемъ, сколько изумительнымъ искусствомъ владѣть стихомъ плѣняетъ піеса: «Я — жрица тайныхъ откровеній», гдѣ эта же строка повторяется еще два раза, только съ иною перестановкой словъ: «Я—жрица откровеній тайныхъ» и «Я—откровеній тайныхъ жрица».

Стихотвореніе «День Духа Святаго» обращаетъ на себя вниманіе не только своеобразностью размѣра, но и красотою и таинственностью содержанія.

Я и ранѣе отмѣчалъ пристрастіе г-жи Лохвицкой къ нѣкоторымъ образамъ и словамъ; они есть и въ новомъ сборникѣ: опять мы находимъ здѣсь лиліи,

розовыя крылья, дыханье вишенъ и сирени, лунную грезу надъ тьмою земной, парусъ плывущій въ лазурный туманъ, дыханье жасминовъ и розъ.

Къ этимъ знакомымъ красочнымъ и душистымъ особенностямъ творчества усопшей присоединяются звуки, раньше у нея не встрѣчавшіеся; мнѣ слышится въ нихъ предчувствіе близкой смерти. Стихотвореніе «Въ скорби моей» кончается словами:

Въ смерти иное прозрѣвъ бытіе,
Смерти скажу я: «Гдѣ жало твое?»

Перелиставъ нѣсколько страницъ, вы прочтете:

Но когда умирать буду я—предъ собой
Я зажгу восковую свѣчу.
И разсѣется мракъ отъ дыханья огня,
И душа не предастся Врагу.
Предъ восходомъ зари незакатнаго дня
Я свѣчу восковую зажгу.

Хочется къ самому безвременно покинувшему насъ автору примѣнить одно изъ его предсмертныхъ стихотвореній:

УХОДЯЩАЯ.

Съ ея опущенными вѣждами
И цѣломудреннымъ лицомъ —
Она идетъ, блестя одеждами,
Сіяя радужнымъ вѣнцомъ.
И мысли ей вослѣдъ уносятся,
Съ воскресшимъ трепетомъ въ груди
Мольбы, молитвы, гимны просятся:
«Взгляни, помедли, подожди!»

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ смерть сестры вызвала у М. А. Лохвицкой прекрасное стихотвореніе

«Цвѣтокъ на могилу»; его строками я закончу свое предисловіе:

Ты была безропотно покорна,
Ты умѣла вѣрить и любить,
Дни твои — жемчужинъ бѣлыхъ зерна,
Низанныхъ на золотую нить.
Ты была нетронутой и ясной,
Какъ душа хрустальная твоя.
Вѣчный миръ душѣ твоей прекрасной,
Отстрадавшей муки бытія.

К. Р.

Павловскъ. 1 апрѣля 1908.

ПИЛИГРИМЫ.

Знойнымъ солнцемъ палимы,
Вдаль идутъ пилигримы
Поклониться гробницѣ священной.
Отъ одеждъ запыленныхъ,
Отъ очей просвѣтленныхъ
Вѣетъ радостью цѣли блаженной.

Тяжела ихъ дорога —
И отставшихъ такъ много,
Утомленныхъ отъ зноя и пыли,
Что легли на дорогѣ,
Что забыли о Богѣ,
О крылатыхъ видѣньяхъ забыли.

Имъ въ сіяющей дали
Голоса отзвучали,
Отжурчали поющія рѣки.
Имъ — безъ времени павшимъ,
Имъ — до срока уставшимъ,
Не проститcя вовѣки. Вовѣки!

УХОДЯЩАЯ.

Съ ея опущенными вѣждами
И цѣломудреннымъ лицомъ —
Она идетъ, блестя одеждами,
Сіяя радужнымъ вѣнцомъ.
И мысли ей вослѣдъ уносятся,
Съ воскресшимъ трепетомъ въ груди —
Мольбы, молитвы, гимны просятся:
«Взгляни, помедли, подожди!»

КАМЕННАЯ ШВЕЯ.

(Чешское преданіе).

Высокò, высокò, на вершинѣ одной,
И въ осеннія бури, и въ стужу, и въ зной,
Навѣвая таинственный страхъ,
Неподвижная дѣва отъ вѣка сидитъ,
И ужасенъ ея заколдованный видъ
Съ недошитой сорочкой въ рукахъ.

Есть въ народѣ молва, что, поднесь, каждый годъ,
Какъ въ Великую Пятницу внемлетъ народъ
О страданьяхъ и смерти Христа, —
У сидящей вверху оживаетъ рука,
Чтобъ иглу пропустить и чтобъ послѣ стежка
Замереть до другого поста.

Что ни годъ — то стежокъ, что ни годъ — то стежокъ.—
Говорятъ, что исходитъ назначенный срокъ,
Говорятъ, что устала швея.
А съ послѣднимъ стежкомъ — грянетъ нà землю громъ
И предстанемъ мы — люди — предъ Божьимъ Судомъ,
И увидимъ конецъ бытія.

1

ЧТО ТАКОЕ ВЕСНА?

О, видѣнья весны, вы со мной, вы со мной!
Разскажите вы мнѣ, чтò зовется весной?

Что такое — весна? Что такое — весна?
Это — трепетъ природы, возставшей отъ сна,
Это — говоръ и блескъ возрождаемыхъ струй,
Это — первой любви молодой поцѣлуй.
Что такое — весна? О весна! О весна!
Это — чаша, что нéктаромъ жизни полна
И потоки блаженства ліетъ и ліетъ.
Это — чистыхъ мечтаній могучій полетъ.
Это — сладость дыханья жасминовъ и розъ.
Это — нѣга смѣшенья улыбокъ и слезъ.
Это — вишни въ цвѣту, это въ золотѣ даль.
Это юной души молодая печаль.

О, видѣнья весны, вы — со мной, вы со мной!
Вы повѣдайте мнѣ о печали земной.

Что такое — печаль? Что такое — печаль?
Это — сердце, которому прошлаго жаль.
Это — парусъ, плывущій въ лазурный туманъ,
Къ голубымъ берегамъ неизвѣданныхъ странъ.

Что такое — печаль? О печаль! О печаль!
Это — эхо, зовущее въ синюю даль.
Это — вздохъ, замирающій въ синей дали,
Далеко отъ небесъ, далеко отъ земли.
Это — лунная греза надъ тьмою земной.
Это — духъ, нисходящій съ ночной тишиной.
Это — боль, о которой поютъ соловьи.
Это — дѣвственный ликъ отраженной любви.

О, видѣнья весны, вы — со мной, вы — со мной!
Что̀ зовется любовью въ печали земной?

Что такое — любовь? Что такое — любовь?
Это — лучъ, промелькнувшій и скрывшійся вновь.
Это — павшихъ цѣпей торжествующій смѣхъ,
Это — сладостный грѣхъ несказанныхъ утѣхъ.
Что такое — любовь? О любовь! О любовь!
Это — солнце въ крови, это — въ пламени кровь.
Это — вѣчной богини слетѣвшій покровъ.
Это — вешнее таянье горныхъ снѣговъ.
Это — музыка сферъ, это — пѣнье души.
Это — вѣянье бури въ небесной тиши.
Это — райская сѣнь, обрѣтенная вновь.
Смерть надъ міромъ царитъ, а надъ смертью — любовь!

Я — жрица тайныхъ откровенiй
Во тьмѣ вѣковъ мнѣ брезжитъ день.
Въ чудесной были воплощенiй,
Въ великой лѣствицѣ рожденiй —
Я помню каждую ступень.

Я — жрица откровенiй тайныхъ,
Слѣжу за цѣпью роковой
Моихъ путей необычайныхъ,
Не мимолетныхъ, не случайныхъ,
Но предначертанныхъ Судьбой,

Я — откровенiй тайныхъ жрица
И мiръ — пустыня для меня,
Гдѣ стонутъ жертва и убiйца,
Гдѣ страждущихъ бѣлѣютъ лица
Въ геннѣ крови и огня.

ЗАБЫТОЕ ЗАКЛЯТЬЕ.

Ясной нóчью въ полнолунье —
Черной кошкой иль совой —
Каждой велѣно колдуньѣ
Поспѣшить на шабашъ свой.

Мнѣ-же пляски надоѣли.
Визгъ и хохотъ — не по мнѣ.
Я пошла бродить безъ цѣли
При всплывающей лунѣ.

Легкой тѣнью, лунной грёзой,
Въ темный садъ скользнула я.
Тамъ, межъ липой и березой,
Чуть бѣлѣется скамья.

Кто-то спитъ, раскинувъ руки,
Кто-то дышетъ, недвижимъ.
Ради шутки иль отъ скуки —
Наклонилась я надъ нимъ.

Вѣткой липы ароматной
Кругъ воздушный обвела.

И подъ шопотъ еле внятный
Ожила ночная мгла:

«Встань, проснись. Не время спать.
«Крѣпче сна моя печать.
«Положу тебѣ на грудь, —
«Будешь сердцемъ къ сердцу льнуть.

«На чело печать кладу, —
«Будетъ разумъ твой въ чаду.
«Будешь въ правдѣ видѣть ложь,
«Муки — счастьемъ назовешь.

«Я къ устамъ прижму печать, —
«Будетъ гнѣвъ въ тебѣ молчать.
«Будешь — кроткій и ручной —
«Всюду слѣдовать за мной.

«Встань. Проснись. Не время спать.
«На тебѣ — моя печать.
«Человѣчій образъ кинь.
«Звѣремъ будь. Аминь! Аминь!»

И воспрянулъ предо мною
Кроткій звѣрь, покорный звѣрь.
Выгнулъ спину. Подъ луною
Налетаюсь я теперь.

Мы летимъ. Все шире, шире,
Разростается луна.
Блещутъ горы въ лунномъ мірѣ,
Степь хрустальная видна.

О, раздолье! О, свобода!
Рѣютъ звуки флейтъ и лиръ.
Подъ огнями небосвода
Моремъ зыблется эфиръ.

Вольный вихрь впивая жадно,
Какъ волна, трепещетъ грудь.
Даль нѣмая — неоглядна.
Безъ границъ — широкій путь.

Вьются сладкія видѣнья,
Ковы смерти сокруша.
Въ дикой бурѣ наслажденья
Очищается душа.

Но внизу, надъ тьмой земною,
Сумракъ ночи сталъ рѣдѣть.
Тяжко дышетъ подо мною
Заколдованный медвѣдь.

На спинѣ его пушистой
Я лежу — безъ думъ, безъ силъ.
Трепетъ утра золотистый
Солнце ночи загасилъ.

Я качаюсь, какъ на ложѣ,
Притомясь и присмирѣвъ,
Все одно, одно и то-же
Повторяетъ мой напѣвъ:

«Скоро, скоро будемъ дома.
«Вѣрный рабъ мой, поспѣши».
Нѣжитъ сладкая истома
Успокоенной души.

Пробуждается природа.
Лунныхъ чаръ слабѣетъ звонъ.
Алой музыкой восхода
Гимнъ лазурный побѣжденъ.

Вотъ и домъ мой. «Прочь, косматый!
Сгинь, исчезни, черный звѣрь.
Духъ мой, слабостью объятый,
Въ крѣпкій сонъ войдетъ теперь.

Что-жь ты медлишь? Уходи-же!»
Сплю я? Брежу-ль наяву?
Онъ стоитъ — и ниже, ниже
Клонитъ грустную главу.

Ахъ, печать не въ силахъ снять я!
Брезжитъ мысль моя едва. —
Заповѣднаго заклятья
Позабыла я слова!

Съ этихъ поръ — въ часы заката
И при огненной лунѣ —
Я брожу, тоской объята;
Вспомнить, вспомнить надо мнѣ!

Я скитаюсь полусонной,
Истомленной и больной.
Но мой звѣрь неугомонный
Всюду слѣдуетъ за мной.

Тяжела его утрата
И мучителенъ позоръ.
Въ часъ луны и въ часъ заката
Жжетъ меня звѣриный взоръ.

Все грустнѣй, все безнадежнѣй
Онъ твердитъ душѣ моей:
«Возврати мнѣ образъ прежній,
Свергни чары — иль убей!»

~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~

ВЕЛИКОЕ ПРОКЛЯТЬЕ.

Налагаю на тебя проклятье по винѣ твоей. И будетъ оно съ тобою во всѣ дни жизни твоей и до скончанія вѣка. Не моя сила—Великая Сила. Не моя воля—Великая Воля. Аминь.

Будь проклятъ, забывшій о Богѣ,
Поправшій Великаго Духа,
Меня оскорбившій безвинно,
Смутившій мой путь голубой.
И вотъ, я сижу на порогѣ.
Увяло лицо. Я — старуха.
Дорога — глуха и пустынна...
Проклятье мое надъ тобой!

За то — что забылъ ты о Богѣ —
Вкуси отъ страданья и зла.
Смотри, — я сижу на порогѣ,
Я черную книгу взяла.

За то — что кощунственнымъ словомъ
Ты духа во тьмѣ оскорбилъ, —
Прибѣгла я къ тайнымъ покровамъ
Моихъ неразгаданныхъ Силъ.

Къ прекрасному, вѣчному краю
Стремился мой путь голубой,
И, вотъ — я заклятья читаю. —
Проклятье мое надъ тобой!

Будь проклятъ въ мечтахъ и желаньяхъ
Твоей очерствѣлой души.
Въ покоѣ твоемъ и въ скитаньяхъ, —
Къ безвѣстному мраку спѣши.

Будь проклятъ въ болѣзняхъ и мукахъ,
И въ счастьѣ, и въ горѣ твоемъ,
Въ свиданьяхъ любви и въ разлукахъ
Гори ненасытнымъ огнемъ.

Будь проклятъ въ тоскѣ и моленьи,
И въ битвѣ съ тяжелой Судьбой,
И въ смерти позорной, и въ тлѣньи. —
Проклятье мое надъ тобой! —

Будь проклятъ, забывшій о Богѣ,
Великаго Духа поправшій,
Безвинно меня оскорбившій,
Смутившій мой путь голубой!
Закрыты благія дороги —
Во мракѣ отчаянья павшей,
Отъ сладости мщенья вкусившей. —
Проклятье мое надъ тобой!

31-го декабря 1904 г.
Ночь на Новый Годъ.

*

ВРАТА ВѢЧНОСТИ.

Мнѣ снились горы въ огнѣ заката,
Не какъ туманы, не какъ видѣнья,
Но какъ громады земной твердыни,
Преддверье славы иного міра.

Онѣ вздымались двойной стѣною,
Алѣли ярко надъ облаками,
Всѣ въ чудныхъ знакахъ, въ завѣтныхъ рунахъ,
Хранящихъ мудрость Предвѣчной Тайны.

Мнѣ внятны знаки, понятны руны —
Въ мгновенья свѣта и откровенья.
Но какъ пройду я златыя стѣны?
Какъ вниду въ царство иного міра?

Горятъ вершины въ огнѣ заката.
Душа трепещетъ и внемлетъ зову.
Ей слышенъ шопотъ: «Ты внидешь въ вѣчность,
Пройдя вратами любви и смерти».

ПІОНЪ.

Утреннимъ солнцемъ давно
Чуткій мой сонъ озаренъ.
Дрогнули вѣжды. Въ окно
Розовый стукнулъ піонъ.

Въ яркій одѣвшись покровъ,
Пышный и дерзкій онъ взросъ.
Льется съ его лепестковъ
Запахъ лимона и розъ.

Смотритъ румяный піонъ.
Вѣнчикъ махровый склонивъ.
Алый мнѣ чудится звонъ,
Мнится могучій призывъ, —

Юности пышной знакомъ,
Зрѣлости мудрой далекъ.
Вѣтеръ качаетъ цвѣткомъ.
Крѣпкій стучитъ стебелекъ.

Чуждый поэзіи сна,
Раннимъ дождемъ напоенъ,
Въ свѣтлыя стекла окна
Розовый бьется піонъ.

БѢЛЫЯ РОЗЫ.

Приди! Испей отъ чаши сладостной.
Свой духъ усталый обнови.
Я буду свѣтлой, буду радостной,
Я буду геніемъ любви.

Я дамъ лазурныя мгновенія.
Приди — и сердце обнови
Полетомъ вольнаго забвенія
Межъ бѣлыхъ розъ моей любви.

ВЪ СТРАНѢ ИНОЙ.

Когда-то ты меня любилъ, —
Давно, въ странѣ иной. —
Ты полонъ былъ могучихъ силъ,
Ты былъ любимымъ мной.

Блеснулъ закатъ лучистыхъ дней —
Давно, въ иной странѣ. —
Разстались мы — не по твоей,
Не по моей винѣ.

И сводъ затмился голубой —
Въ странѣ иной, давно. —
Мой другъ, склонимся предъ Судьбой;
Такъ было суждено.

УТРЕННІЙ ГИМНЪ.

Слышишь, какъ птицы щебечутъ въ саду? —
Мчится на розовыхъ крыльяхъ разсвѣтъ.
Въ тихомъ саду я блаженство найду,
Влажныхъ вѣтвей ароматный привѣтъ.

Слышишь дрожанье пурпуровыхъ струнъ? —
Алой зари колесница плыветъ.
День возрожденный прекрасенъ и юнъ,
Грезъ обновленныхъ воздушенъ полетъ.

Властно ликующій гимнъ зазвучалъ.
Властному зову душою внемли.
Это — мгновенье великихъ началъ!
Это — сліянье небесъ и земли!

СВѢТЛЫЙ ДУХЪ.

Я — горнихъ странъ живой привѣтъ.
Дохну, блесну — и сгинутъ тѣни.
Я — бѣлый цвѣтъ, весенній цвѣтъ,
Дыханье вишенъ и сирени.

Лечу на крыльяхъ вольныхъ птицъ,
Вѣнчаю вѣчностью мгновенье.
Мнѣ — нѣтъ предѣла, нѣтъ границъ.
Я весь — порывъ, весь — дуновенье.

Кого коснусь — навѣки мой.
Со мною — свѣтъ. За мною — тѣни.
Я — геній, вѣющій весной,
Съ дыханьемъ вишенъ и сирени!

ПОДЪ КРЕСТОМЪ.

Какъ судьба — мнѣ страданье она принесла.
И я проклялъ — её — какъ судьбу.
Но проклятьемъ не свергнулъ я муки и зла.
Я о смерти молилъ — и она умерла.
Я хочу её видѣть въ гробу.

И вошелъ я въ причудливо-убранный залъ,
Гдѣ въ цвѣтахъ возлежала она.
И взглянулъ на нее, и по имени звалъ.
Но подъ бѣлой парчею ея покрывалъ
Былъ покой непробуднаго сна.

Такъ безстрастна казалась она и чиста.
Кто-то свѣтлый ее осѣнилъ.
Какъ живыя — алѣли и рдѣли уста.
Но хотѣлось сказать: ты не та, ты не та!
Ты подъ властью непознанныхъ силъ!

И скорбѣлъ я о томъ, что положатъ её
Въ непорочномъ уборѣ невѣстъ.
И не знало, не вѣдало сердце мое,
Что, съ любовью и вѣрой молясь за нее,
Ей дадутъ ограждающій крестъ.

Долго ждалъ и страдалъ я, безумье тая,
И насталъ предуказанный часъ.
Я иду, я спѣшу, о, невѣста моя.
Ты — въ землѣ, ты — одна, ты — забыта, какъ я,
Для вражды, сожигающей насъ!

Я пришелъ. Я прокрался, какъ призракъ ночной.
Я забылъ, и не вѣдалъ о томъ, —
Что безсиленъ мой заступъ предъ волей иной,
Что навѣки ее разлучили со мной,
Что ее оградили крестомъ!

~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~

ПРАЗДНИКЪ ВЪ ТЕПЛИЦѢ.

Мечтая о жаркомъ пустынномъ раздоліи,
Колючіе кактусы дремлютъ въ бездѣліи.
Въ шелку разноцвѣтномъ блестятъ центифоліи
И въ розовый бархатъ одѣлись камеліи.

Здѣсь роскошь природы, здѣсь пиръ изобилія.
Зубчатыя пальмы, сквозныя латаніи.
Царитъ здѣсь надменная, бѣлая лилія,
Въ червонной коронѣ, въ жемчужномъ сіяніи.

Въ атласныхъ колетахъ нарцисы прекрасные
Ей служатъ — за счастье погибнуть готовые.
Обвѣяны сказкой ихъ личики ясныя,
Ихъ желтыя кудри, уста ихъ пунцовыя.

Все блещетъ, ликуя въ росѣ и въ веселіи.
Но грезы царицы не свѣтятъ побѣдою.
«— Мнѣ скучно, нарцисы! Мнѣ грустно, камеліи!
Въ мечтахъ о блаженствѣ — я счастья не вѣдаю.

Мнѣ горькое бремя судьбою даровано,
Я блекну подъ властью тоски и безсилія,
Небесной мечтою — навѣкъ зачарована,
Я — чистая, гордая, бѣлая лилія! —»

ПОДЗЕМНАЯ СВАДЬБА.

Какъ глубоко̀ вѣнчалъ насъ Вельзевулъ!
Какъ глухо пѣлъ хоръ демоновъ согласный.
Подъ сводами гудѣлъ неясный гулъ.
Отъ черныхъ свѣчъ дымился пламень красный.

И, вотъ, органъ занылъ, заскрежеталъ.
Со вздохами невыразимой муки
Медлительно вращался тяжкій валъ
И скорбные росли и крѣпли звуки.

Свершался тихо радостный обрядъ.
Вотъ — руки намъ на вѣкъ соединили.
Вотъ — подняли вѣнцы. Они горятъ.
Они зажглись огнемъ алмазной пыли.

Но, вотъ, забилъ сильнѣе дымъ кадилъ,
Глубокій вздохъ пронесся въ гулкомъ залѣ —
И мѣрный голосъ внятно возвѣстилъ
О томъ — о чемъ мечтать мы не дерзали.

Не странно-ли, не чудно-ль слышать намъ,
Что властны мы дышать своей любовью,

Не заплативъ завистливымъ богамъ
Ничьимъ покоемъ, жизнію иль кровью?

Что гнетъ запрета канулъ навсегда.
Что властны мы смотрѣть другъ другу въ очи —
Безъ скрытыхъ слезъ. Любить — всегда, всегда.
Вдвоемъ — и дни, и ночи. Дни и ночи!

О, что намъ въ томъ, что насъ вѣнчаетъ адъ?—
Крѣпка любовь--внѣ міра, внѣ измѣны.
Погасли свѣчи. Кончился обрядъ.
Затихъ органъ. Раздались, дрогнувъ, стѣны.

О, наконецъ, другъ другу мы вольны
Открыть желаній жадныхъ безконечность!
Забыты жизни призрачные сны.
Забыта скорбь земли. — Предъ нами вѣчность.

ЗЛАЯ СИЛА.

(Моему сыну Валерію).

«Печать дара Духа Святаго!»
(Слова, произносимыя священникомъ при таинствѣ муропомазанія).

Спаси и помилуй насъ, крестная сила,
Въ часъ утренней ночи и сѣрыхъ тѣней!
Съ зарей я усталыя вѣжды смежила;
Дремалъ мой ребенокъ у груди моей.

И чудится спящей — упорно и звонко
Тяжелая муха кружитъ надо мной.
«Мадонна, Мадонна, отдай мнѣ ребенка!»
Звенитъ надо мной неотвязной струной.

«За радость карая, за грѣхъ наказуя,
«Вашъ рокъ неизбѣжный тяжелъ и суровъ.
«Отдай мнѣ ребенка, — его унесу я
«На бархатъ моихъ заповѣдныхъ луговъ.

«Тамъ тихо, тамъ сладко, тамъ зыблются травы
«Тамъ дикій жасминъ и шиповникъ расцвѣлъ.

«Веселье и пѣнье, цвѣты и забавы,
«И гулы шмелей, и жужжаніе пчёлъ.

«Изъ меда и млека чудесныя рѣки
«Тамъ льются, журча ароматной волной;
«И пьющій отъ нихъ — не возжаждетъ вовѣки.
«И минетъ избранника жребій земной». —

— «Исчезни, исчезни, лукавая муха!»
Въ дремотѣ мои прошептали уста.
«Въ тебѣ узнаю я могучаго духа,
«Но сила твоя у тебя отнята.

Спасенъ мой ребенокъ отъ сновъ обольщенья
И духамъ воздушнымъ его не качать.
Вчера онъ воспринялъ святое крещенье
И вышняго дара благую печать». —

ВЪ ВАЛЬСѢ.

Огонь созвучій,
Аккордовъ пѣнье,
О вальсъ пѣвучій,
Мое забвенье.
Ты льнешь украдкой
Мечтою ложной,
Ты — отдыхъ сладкій
Души тревожной.

Кольцомъ невѣрнымъ
Сомкнуты звенья,
Въ движеньи мѣрномъ
Покой забвенья.
Въ огнѣ созвучій,
Въ живомъ стремленьи —
И трепетъ жгучій,
И утоленье.

ВЪ СКОРБИ МОЕЙ.

Въ скорби моей никого не виню.
Въ скорби — стремлюсь къ незакатному дню.
Къ свѣту нетлѣнному пламенно рвусь.
Мрака земли не боюсь, не боюсь.

Счастья-ли мигъ предо мной промелькнетъ,
Злого безволья почувствую-ль гнетъ, —
Такъ-же душою горю, какъ свѣча,
Такъ-же молитва моя горяча.

Молча пройду я сквозь холодъ и тьму,
Радость и боль равнодушно приму.
Въ смерти иное прозрѣвъ бытіе,
Смерти скажу я: «Гдѣ жало твое?»

БОГИНЯ КАЛИ.

(Сонетъ).

На праздникъ той, предъ кѣмъ блѣднѣютъ боги,
Стеклись толпы — и зыблются какъ сны.
По грудамъ тѣлъ, лежащихъ на дорогѣ,
Ее везутъ священные слоны.

Склонивъ чело, идутъ младые йоги;
Поютъ жрецы, служенью преданы;
И пляски жрицъ торжественны и строги
Подъ звуки флейтъ и пѣніе струны.

Богиня Кали! Черная Царица!
Будь проклята за дикій праздникъ твой,
За стонъ и кровь, и страждущія лица,

За то, что, странной скована судьбой,
Моя душа, какъ пляшущая жрица,
По трупамъ жертвъ — влечется за тобой!

3

ОСТРОВЪ СЧАСТЬЯ.

— «Меня сковали кольца и запястья.
Рука моя безсильна, какъ во снѣ.
Художникъ - магъ, создай мнѣ островъ счастья
И вызови на бѣломъ полотнѣ». —

Художникъ — магъ взялъ кисть мою и, смѣло,
Вершины горъ набросилъ наугадъ;
Морская даль подъ солнцемъ заалѣла,
Изъ миртъ и розъ расцвѣлъ чудесный садъ.

Окончилъ онъ — и, вотъ, съ улыбкой странной,
Мнѣ говоритъ: «Хорошъ-ли твой эдемъ?»
Но я молчу. Мой край обѣтованный
Въ моихъ мечтахъ сталъ холоденъ и нѣмъ.

Все тоже, да, — и все одно и то-же:
И океанъ, и горы, и цвѣты.
Моей душѣ печаль ея дороже
Знакомыхъ сновъ обычной красоты.

Прекрасный даръ окованъ мыслью плѣнной
Безсильны мы, бродящіе впотьмахъ!

Воспрянулъ магъ. Великій, вдохновенный,
Святой огонь блеснулъ въ его очахъ.

О, гдѣ слѣды недавняго безсилья?
Могучъ и твердъ ложится каждый взмахъ.
И, вижу я, — сверкаютъ крылья, — крылья, —
Сплетенныя въ вечернихъ небесахъ.

О, сколько свѣта! Счастья! Трепетанья!
Что купы розъ? Что море алыхъ водъ?
Безсмертныхъ душъ подземныя мечтанья
Возносятъ насъ до ангельскихъ высотъ!

ВОСКОВАЯ СВѢЧА.

Мнѣ отраденъ лампадъ полусвѣтъ голубой, —
Я покоя, какъ счастья, хочу.
Но когда умирать буду я — предъ собой
Я зажгу восковую свѣчу.

И разсѣется мракъ отъ дыханья огня,
И душа не предастся Врагу.
Предъ восходомъ зари незакатнаго дня
Я свѣчу восковую зажгу.

ПѢСНЬ О НЕБѢ.

Шла я, голодомъ томима,
За насущнымъ хлѣбомъ.
Шла — и стала недвижима
Предъ вечернимъ небомъ.

Всѣ огни, цвѣта, уборы
Жаркаго заката
Въ мощные сливались хоры
Пурпура и злата.

Хоры пѣли о мгновеньи
Скорби скоротечной,
О блаженномъ пробужденьи
Душъ — для жизни вѣчной

О великомъ, ясномъ небѣ
Надъ земнымъ Эребомъ.
И — забыла я о хлѣбѣ
Предъ вечернимъ небомъ.

1.

. . . .
. . . .

2.

. . . .
. . . .

3.

Свѣтитъ мѣсяцъ. Выйду въ садъ,
Гдѣ цвѣты и травы спятъ,
Сладко дышатъ лепестки,
Легче гнетъ моей тоски.

Бросивъ трепетную тѣнь,
Дремлетъ сонная сирень,
Подъ горою, у рѣки
Клонитъ дрокъ свои цвѣтки.

Старый садъ затихъ, заглохъ.
На деревьяхъ — бѣлый мохъ.
И лужайку и оврагъ
Опалилъ горячій макъ.

Дикой розы прямъ и густъ
Предо мной колючій кустъ...

ПЕРЕДЪ ЗАКАТОМЪ.

Люблю я блеклые цвѣты
Фіалокъ позднихъ и сирени,
Полу-намеки, полу-тѣни
Повитой дымкой красоты.

Душа тревожная больна
И тихимъ сумракомъ объята,
Спокойной прелестью заката
Грядущимъ сномъ упоена.

Что озаритъ огнемъ надеждъ?
Повѣетъ радостью бывалой?
Заставитъ дрогнуть взмахъ усталый
Моихъ полузакрытыхъ вѣждъ?

Ничто. Ничто. Желаній нѣтъ.
Безвольно замерли моленья.
Смотрю съ улыбкой утомленья
На жизнь, на суету суетъ.

Сокрытъ туманомъ горный путь.
Стихаетъ грусть, нѣмѣютъ раны.
Блаженъ, блаженъ покой нирваны,—
Уснуть... исчезнуть... утонуть...

ДЕНЬ ДУХА СВЯТАГО.

День Духа Святаго блюдите, избранники,
Суровые странники съ блѣднымъ челомъ,
Живыми молитвами, всечасными битвами
Боритесь, боритесь съ ликующимъ Зломъ.

Въ день Духа Святаго молитесь, избранники,
Усталые странники призрачныхъ странъ,
Молите о знаменьи — небеснаго пламени
Да славою будетъ вашъ путь осіянъ.

Въ день Духа Святаго стучитесь, избранники,
Могучіе странники давнихъ временъ,
Во храмы безлюдные, въ сердца непробудныя;
Повѣдайте міру, что Врагъ побѣжденъ!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

(Моему сыну Валерію).

Святъ мой крошка и безгрѣшенъ
Спитъ и видитъ свѣтлый рай.
Легкой тканью занавѣшенъ,
Спитъ мой крошка. Баю-бай.

Нѣжнымъ личикомъ въ подушки
Онъ уткнулся: «не мѣшай!»
Въ ручкахъ милыя игрушки
Держитъ крошка. Баю-бай.

Ни собачки, ни овечки
Не уронитъ невзначай.
Вьются золотомъ колечки
На головкѣ. Баю-бай.

Сладкій сонъ у крошки тонокъ,
Какъ ни пой и ни качай...
Спи, мой ангелъ, мой ребенокъ,
Свѣтикъ бѣлый, баю-бай.

29-го мая 1905 г.

Ты мнѣ не вѣришь, ты мнѣ не вѣришь,
Какъ будто въ пѣсняхъ возможна ложь!
Мои желанья — ты не измѣришь,
Мои признанья — ты не поймешь.

Есть даръ великій, есть Духъ чудесный,
Поющій сладко въ ночной тиши.
Я съ нимъ блаженна и въ жизни тѣсной
И въ гордыхъ мукахъ моей души.

Порой, блистая огнемъ лазури,
Онъ вѣетъ сказкой былыхъ временъ.
Порой промчится на крыльяхъ бури,
Порой пробрезжитъ, какъ вѣщій сонъ.

Такъ знойный вѣтеръ, колыша травы,
Сжигаетъ въ полѣ златую рожь, —
Не для веселья, не для забавы...
Но ты не вѣришь, ты не поймешь.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ИЗЪ ПРЕЖНИХЪ ЛѢТЪ.

(НЕИЗДАННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ).

ВЕЩИ.

Дневной кошмаръ неистощимой скуки,
Что каждый день съѣдаетъ жизнь мою,
Что давитъ умъ и утомляетъ руки,
Что я напрасно жгу и раздаю;

О, вы, картонки, перья, нитки, папки
Обрѣзки кружевъ, ленты, лоскутки,
Крючки, флаконы, пряжки, бусы, тряпки
Дневной кошмаръ унынья и тоски!

Откуда вы? Къ чему вы? Для чего вы?
Придетъ-ли тотъ невѣдомый герой,
Кто не посмотритъ стары вы иль новы,
А выброситъ весь этотъ хламъ долой!

У БРАЧНАГО ЧЕРТОГА.

Спѣши, возлюбленный! Сгораетъ мой елей;
Дрожа отъ холода въ прозрачномъ покрывалѣ, —
Я жду тебя у вратъ обители твоей
Исполнена отрады и печали.

Просившимъ у меня я щедро раздала
Небесные дары; лилось по каплѣ масло.
Чуть теплится огонь, но вѣра не угасла.
Возлюбленный, любовь моя свѣтла.

О, есть-ли мѣсто мнѣ на пиршествѣ завѣтномъ?
Пропѣли пѣтухи, полночный близокъ часъ.
Душа моя болитъ во升мракѣ безпросвѣтномъ.
Возлюбленный, свѣтильникъ мой угасъ.

Темно въ туманной вышинѣ,
Не видно звѣздъ во мглѣ ненастья.
Не говори о счастьи мнѣ, —
Ты для меня дороже счастья.

Страдать, безмолствуя, — легко
Тому, кто ждетъ и вѣритъ вѣчно.
Одно молчанье — велико̀,
Одно страданье — безконечно!

Чего ты хочешь? Назови!
Моей тоски? Моихъ терзаній?
Зачѣмъ въ завѣтный мигъ любви
Ты избѣгалъ моихъ лобзаній?

Былъ чуждъ и нѣмъ твой властный взоръ,
Какъ торжество безъ упоенья...
Иль мой униженный позоръ
Тебѣ отраднѣе забвенья?

Но страсть моя была чиста
Въ мечтахъ, въ безумствахъ и въ печали,
И въ мигъ, когда твои уста
Моимъ устамъ не отвѣчали.

(1899 г.).

Твои уста — два лепестка граната,
Но въ нихъ пчела услады не найдетъ.
Я жадно выпила когда-то
Ихъ пряный хмель, ихъ крѣпкій медъ.

Твои рѣсницы — крылья черной ночи,
Но до утра ихъ не смыкаетъ сонъ.
Я заглянула въ эти очи —
И въ нихъ мой образъ отраженъ.

Твоя душа — восточная загадка.
Въ ней міръ чудесъ, въ ней сказка, но не ложь.
И весь ты — мой, — весь безъ остатка,
Доколѣ дышешь и живешь.

(1899 г.).

* 4

Мнѣ душно въ хижинѣ моей!
Мнѣ тяжела моя неволя.
О, дай вдохнуть отраду поля
И зацвѣтающихъ степей!
Мнѣ душно въ хижинѣ моей.

О, будь огнемъ моихъ созвучій,
Моей звѣздой, моей судьбой!
Веди меня въ просторъ могучій,
Гдѣ туча гонится за тучей
И смерчъ вздымаетъ за собой.
Веди меня на жизнь и бой!

(1900 г.).

Я не совсѣмъ одна и одинока,—
Мнѣ счастіе любви твоей дано.
Свой пышный цвѣтъ взлелѣяло зерно,
На днѣ души сокрытое глубоко.

Но горько мнѣ, что царственнаго дня,
Узрѣвъ со мной небесное блистанье,—
Въ часы скорбей, въ минуты испытанья
О, какъ далекъ ты будешь отъ меня!

Обоихъ насъ манила цѣль благая,
Но предо мной путь женщины — рабы.
И я пойду одна, изнемогая
Подъ тяжестью незыблемой судьбы.

(1900 г.).

ОТЕЦЪ ЛОРЕНЦО.

Въ вечерній часъ, когда сильнѣй запахли миртъ цвѣтки
И яркимъ пурпуромъ зажглись герани лепестки,
Когда, уставъ отъ зноя дня, пернатый клиръ затихъ
И грезой вспыхнули сердца монахинь молодыхъ —
Отецъ Лоренцо вышелъ въ садъ изъ стѣнъ монастыря;
За нимъ идетъ сестра Мадленъ, краснѣя, какъ заря.
Горитъ сильнѣй душа Мадленъ, чѣмъ жаръ ея ланитъ,
И вотъ она, едва дыша, чуть слышно говоритъ:
— «Отецъ Лоренцо, за собой не знаю я вины.
Скажите мнѣ, за что со мной вы стали холодны?
Въ исповѣдальнѣ цѣлый часъ сидите вы съ другой...
Отецъ Лоренцо, почему вы холодны со мной?»
Но, не замедливъ ровный шагъ, съ опущенной главой
Проходитъ патеръ молодой, читая требникъ свой.
Не тронетъ патера любви и ревности укоръ.
Двѣнадцать «Ave» онъ прочелъ и тихо поднялъ взоръ.
— «Вы слишкомъ смѣлы, дочь моя, и скромности въ
васъ нѣтъ» —
Съ усмѣшкой тонкой на устахъ онъ бросилъ ей въ
отвѣтъ.
«Я вашу душу замышлялъ для вѣчности сберечь,
Но страстью врагъ ее разжегъ, какъ огненную печь».

— «О, да, отецъ мой! Я горю, я гибну отъ огня!
Кровь гордыхъ герцоговъ де Гизъ есть въ жилахъ у
меня.
Ихъ долей скромность не была, — а я лежу въ гробу.
Пусть гибну я, — но рай и адъ зову я на борьбу!»
— «Бороться съ адомъ мудрено, а рай-на небесахъ.
Смиритесь духомъ, дочь моя, познайте Божій страхъ.
Сестра Адель, подобно вамъ, была сосудомъ зла,
Но скоро миръ свой обрѣла и схиму приняла».
— «Сестру несчастную, Адель, я помню какъ сейчасъ.
Она въ могилѣ заперлась, она любила васъ.
Вы каждый день носили ей ея насущный хлѣбъ...
Отецъ Лоренцо, и меня заприте въ темный склепъ!»
— «Святой Терезы житіе читали-ль вы, Мадленъ?
Извѣстно-ль вамъ, какъ ночь страшна и тяжекъ вѣч-
ный плѣнъ?
Не спорю я, — сурова жизнь въ стѣнахъ монастыря,
Но тутъ есть день, но тутъ есть садъ, и небо, и заря.
А тамъ — могильный полумракъ, нѣмая тишина.
До самой смерти, какъ въ тюрьмѣ, вы будете одна.
Сестру Адель я навѣщалъ — и не забуду васъ.
Молиться вмѣстѣ каждый день мы будемъ, — но лишь
часъ.
И такъ — готовьтесь, дочь моя, отринуть прахъ и
тлѣнъ...»
— «Ведите въ склепъ меня сейчасъ!» воскликнула
Мадленъ.
«Мнѣ будетъ садомъ плѣсень стѣнъ, а небомъ —
душный сводъ
И съ чѣмъ, Лоренцо, я сравню желанный вашъ при-
ходъ?!»

(1901 г.).

ЧТО Я ЛЮБЛЮ.

Люблю я жизнь — когда она полна.
Когда мгновеній я не замѣчаю,
Когда она бушуетъ, какъ волна,
Вздымается, стремясь къ иному краю
И падаетъ, борьбой упоена.

Люблю тоску съ нѣмымъ ея покоемъ
И торжествомъ невысказанныхъ мукъ.
Люблю любовь съ ея минутнымъ зноемъ
И бурю встрѣчъ, — и тишину разлукъ.

. . . .
. . . .

(1902 г.)

БЯШКИНЪ СОНЪ.

(Моему сыну Измаилу).

Кудри темныя разсыпавъ
На подушкѣ бѣлоснѣжной,
Кроткимъ сномъ забылся Бяшка.
Спитъ мой крошка, спитъ мой нѣжный.

Сны надъ мальчикомъ летаютъ,
Лугъ зеленый снится Бяшкѣ,
На лугу пасется стадо,
Все овечки да барашки.

Вслѣдъ за ними съ палкой длинной
Бродитъ малый человѣчекъ,
Палкой длинной погоняетъ
И барашковъ и овечекъ.

Такъ и хлещетъ, такъ и машетъ.
Самъ точь въ точь похожъ на Бяшку,
По травѣ бѣжитъ ребенокъ,
Топчетъ бѣлую ромашку.

Вдругъ — откуда ни возьмися,
Злой Буканъ — глаза, что свѣчки!

Трахъ! — въ мѣшокъ къ нему попались
И барашки, и овечки.

Но Букану, видно, мало,
Обернувшись тараканомъ,
Онъ ползетъ... да прямо къ Бяшкѣ!
Струсилъ Бяшка предъ Буканомъ.

Вздрогнулъ, вскрикнулъ и... проснулся.
Тихо въ комнатѣ у Бяшки,
Къ мамѣ въ шкапъ ушли буканы
И овечки, и барашки.

(1902 г.).

„ПЕРЕДЪ ЗАКАТОМЪ“.

СОДЕРЖАНІЕ:

СТРАН.

Предисловіе I
1. Пилигримы 5
2. Уходящая 6
3. Каменная швея 7
4. Что такое весна 8
5. Я жрица тайныхъ откровеній 10
6. Забытое заклятье 11
7. Великое проклятье 16
8. Врата вѣчности 18
9. Піонъ 19
10. Бѣлыя розы 20
11. Въ странѣ иной 21
12. Утренній гимнъ 22
13. Свѣтлый духъ 23
14. Подъ крестомъ 24
15. Праздникъ въ теплицѣ 26
16. Подземная свадьба 27
17. Злая Сила 29
18. Въ вальсѣ 31
19. «Въ скорби моей...» 32
20. Богиня Кали 33
21. Островъ Счастья 34

СТРАН.

22. Восковая свѣча 36
23. Пѣснь о Небѣ 37
24. «Свѣтитъ мѣсяцъ» (Отрывокъ) 38
25. Передъ закатомъ 39
26. День Духа Святаго 40
27. Колыбельная пѣсня 41
28. Ты мнѣ не вѣришь 42

ИЗЪ ПРЕЖНИХЪ ЛѢТЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Вещи 45
2. У брачнаго чертога 46
3. «Темно въ туманной вышинѣ...» 47
4. «Чего ты хочешь? Назови!..» 48
5. «Твои уста — два лепестка граната...» 49
6. «Мнѣ душно въ хижинѣ моей» 50
7. «Я не совсѣмъ одна и одинока...» 51
8. Отецъ Лоренцо 52
9. Что я люблю 54
10. Бяшкинъ Сонъ 55